

К. П. Глушенко

**ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ
ЦЕНЫ В РОССИИ
В 1992–2000 гг.:
ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ
АСПЕКТ**

Либерализация цен в начале 1992 г. привела не только к взрывному их росту, но и к резкому увеличению разрыва между ценами одних и тех же потребительских товаров в разных регионах, прежде весьма незначительного (если не отсутствовавшего вовсе благодаря централизованному ценообразованию). Да и в последующие годы, как, впрочем, и сейчас, цены менялись по стране далеко не одинаково: где-то они росли быстрее, а где-то – медленнее. Такой процесс может иметь совершенно противопо-

ложные тенденции: либо цены выравниваются по стране (их рост замедляется там, где они вырвались вперед, и ускоряется в более «дешевых» регионах), либо, наоборот, темпы увеличения цен постоянно высокие или низкие в основном в одних и тех же регионах, что приводит к неуклонному нарастанию межрегиональных ценовых разрывов.

С точки зрения экономической теории право на существование имеет только первая тенденция, – конечно, если речь идет о достаточно продолжительном периоде, каковым вполне можно считать те девять лет, которые прошли с момента либерализации цен. Как гласит закон единой цены, когда нет никаких препятствий товарообмену между теми или иными географическими единицами, в них устанавливается одинаковая цена товара: если где-то она вдруг выросла, сюда устремляется товар оттуда, где он дешевле. Возросшее предложение собьет цену в «подорожавшей» местности, а увеличившийся спрос в более «дешевой» – поднимет ее, и в результате пространственное равновесие восстановится (хотя, возможно, уже при более высокой цене). Правда, полностью выравниванию цен за счет арбитража могут помешать транспортные затраты, если они составляют в цене товара заметную долю. Но в этом случае разница в цене товара в двух местностях должна укладываться в величину затрат на его доставку из одной местности в другую (в расчете на единицу товара).

Хотелось бы думать, что и в нашей экономике дело обстоит именно таким образом. Но есть немало оснований сомневаться, что российское экономическое пространство действительно «едино». Довольно многочисленны случаи регионального протекционизма – прямые запреты на ввоз или вывоз тех или иных видов товаров, дополнительные сертификация и маркировка ввозимой в регион продукции, регулирование цен и т. п. В заметной степени препятствует межрегиональной конкуренции организованная преступность – грабежи и поборы на междугородных автотрассах, противодействие поставкам дешевой продукции, поддержание «нижних пределов цен» на контролируемых преступными группами рынках и т. д. Существуют и другие факторы, затрудняющие межрегиональный арбитраж. Да и сам товарный арбитраж является пока в российской экономике довольно незрелым институтом, и в настоящее время он вряд ли у нас столь же действенный, как в странах с развитой рыночной экономикой.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 00-06-80223) и программы Research Support Scheme фонда Open Society Support Foundation (грант № 618/2000).

Таким образом, на российском экономическом пространстве противоборствуют рыночные силы, эффект которых состоит в сокращении межрегиональных различий в ценах, и силы, объективно препятствующие интеграции национального потребительского рынка. Вопрос о том, какова равнодействующая этих сил на разных отрезках периода 1992–2000 гг., и является основным предметом интереса в данной работе. По сути, речь идет о динамике интегрированности рынка: расхождение цен свидетельствует о нарастании его региональной фрагментации, тогда как их сближение – об уменьшении препятствий свободному товарообмену между регионами и, следовательно, об усилении интеграции.

Для анализа используются высокоагрегированные данные – уровни цен продовольственных и промышленных товаров, а чтобы была обеспечена его полнота, учитываются также уровень цен услуг и общий уровень потребительских цен, охватывающий все товары и услуги населению. Поскольку анализ в разрезе всех субъектов Российской Федерации был бы слишком громоздким, в качестве территориальной единицы рассматривается экономический район. Принято традиционное экономическое районирование с тем отличием, что Калининградская область присоединена к Северо-Западному району, – таким образом, имеем 11 экономических районов. Кроме того, в составе Северо-Кавказского района не фигурирует Чеченская Республика, а на отрезке 1992–1997 гг. – также Республика Ингушетия (из-за пробелов в данных по ней за этот отрезок).

Построение территориальных уровней цен

Итак, задача состоит в том, чтобы проследить динамику пространственных соотношений уровней цен, т. е. изменение территориальных индексов цен. Такие индексы отечественная статистика не рассчитывает. А. Е. Суриновым [1] получены межрегиональные индексы цен, но только для двух моментов времени: для января 1997 г. и января 1998 г. Эта работа выполнялась в Госкомстате России на основе его внутренней информации. «Обычному» же исследователю провести прямой расчет территориальных индексов цен практически невозможно, поскольку необходимые для этого данные о ценах достаточно представительного набора потребительских благ по регионам не публикуются, а приобретение такой информации из-за ее громадного объема потребовало бы неподъемных сумм. Поэтому приходится идти окольным пу-

тем – рассчитывать территориальные индексы на основе динамических (месячных) индексов потребительских цен.

В качестве исходных данных мы использовали сводный индекс потребительских цен и три его составляющие: индексы цен продовольственных товаров, непродовольственных товаров и платных услуг населению по отношению к предыдущему месяцу по регионам России (источником информации послужили ежемесячники «Социально-экономическое положение России», а отсутствующие в них данные получены непосредственно в Госкомстате России). Эти индексы цен $I_{r\tau}$ (r – регион; τ – месяц, $\tau = 1$ соответствует январю 1992 г.) агрегировались по экономическим районам по той же схеме, которая применяется для получения индексов цен по стране в целом [2, с. 431], а именно, с использованием в качестве весов долей численности населения регионов в населении экономического района:

$$I_{s\tau} = \sum_{r \in R(s)} \frac{N_{r\tau}}{N_{s\tau}} I_{r\tau}, \quad (1)$$

где s – экономический район; r – регион; $N_{s\tau}$ ($N_{r\tau}$) – численность населения (для всех месяцев одного года она принята по состоянию на 1 января) территории r (s); $R(s)$ – множество регионов, входящих в экономический район s .

В качестве базы сравнения в территориальных индексах цен естественно принять цены по России в целом. Зная абсолютные уровни цен в исходный момент времени $\tau = 0$ (т. е. в декабре 1991 г.) в экономическом районе s и в среднем по стране (P_{s0} и P_0 соответственно), территориальный индекс цен, или относительный уровень цен (далее – просто уровень цен), для любого последующего месяца можно рассчитать цепным методом:

$$P_{st} = \frac{P_{s0} \cdot I_{s1} \cdot I_{s2} \cdot \dots \cdot I_{st}}{P_0 \cdot I_1 \cdot I_2 \cdot \dots \cdot I_t}, \quad (2)$$

где I_t – среднероссийский динамический индекс цен. В предположении, что к моменту либерализации цен абсолютные уровни цен во всех экономических районах были близки и, следовательно, примерно равны среднероссийскому (т. е. $P_{s0} = P_0$ для всех s), уровень цен P_{st} представляет собой просто отношение роста цен с января 1992 г. по данный момент времени t в экономическом районе s к росту цен в стране за этот период:

$$P_{st} = \frac{I_{s1} \cdot I_{s2} \cdot \dots \cdot I_{st}}{I_1 \cdot I_2 \cdot \dots \cdot I_t}. \quad (3)$$

Другого выхода, как принять такое предположение, нет – из-за отсутствия информации, которая позволила бы оценить различия исходных уровней цен. К каким неточностям может привести это упрощение? Во-первых, хотя в 1991 г. плановое ценообразование еще действовало, оно уже не было всеохватывающим, часть товаров реализовывалась по свободным ценам, и довольно высокая инфляция в том году могла вызвать территориальное расхождение цен к моменту их либерализации. Однако официальных индексов цен по регионам России за 1991 г. не существует, неофициальные же весьма недостоверны. Тем не менее можно полагать, что обусловленные этим искажения невелики (подробно данный вопрос рассмотрен нами ранее [3]). Во-вторых, само плановое ценообразование предусматривало некоторую территориальную дифференциацию цен – поясные цены продовольственных товаров. И здесь скорректировать уровни цен продовольственных товаров и общие уровни потребительских цен не представляется возможным, поскольку данные о весах, с которыми входят в официальные индексы цен отдельные товары, недоступны (эти веса – «страшная тайна» Госкомстата). Можно лишь сказать, что расчет уровней цен по формуле (3) будет давать заниженные значения для экономических районов со значительной долей отдаленных и северных территорий (в частности, для Дальневосточного) и завышенные – для южных районов (например, для Северо-Кавказского).

Если в формуле (1) вместо N_{τ} взять общую численность населения России N_{τ} , а суммирование провести по всем регионам страны, то будет получен среднероссийский индекс цен. Обозначим его I'_{τ} , чтобы отличить от официально публикуемой величины I_{τ} . Значения I_{τ} и I'_{τ} должны совпасть или оказаться очень близкими. Однако в действительности в ряде случаев различия оказались весьма существенными.

Для сводного индекса потребительских цен крайние значения отношения I'_{τ}/I_{τ} составили 0,949 (январь 1992 г.) и 1,036 (апрель 1993 г.), хотя его среднее за период с января 1992 г. по декабрь 2000 г. мало отличается от 1: оно равно 0,9995, а стандартное отклонение за этот период σ составило 0,0084. Для индекса цен продовольственных товаров диапазон величины I'_{τ}/I_{τ} – от 0,926 (февраль 1992 г.) до 1,029 (февраль 1995 г.), среднее составляет 0,9985, $\sigma = 0,0119$; для индекса цен промышленных товаров наибольшие отклонения от 1 равны 0,925 (январь 1992 г.) и 1,027 (февраль 1992 г.), среднее – 0,9983, $\sigma = 0,0128$. А для индекса цен услуг несовпадения вообще разительны: так, для фев-

раля 1993 г. расчетная величина оказалась в 1,43 раза больше опубликованной, для апреля 1993 г. – в 1,35, для января 1994 г. – в 1,09 раза (в целом диапазон отношения I'_τ / I_τ – от 0,93 до 1,429, среднее – 1,0078, $\sigma = 0,0567$).

Таким образом, в данных Госкомстата индексы цен по стране в целом далеко не всегда согласуются с региональными. Вследствие этого при расчете территориальных уровней цен по формуле (3) официальные значения среднероссийских индексов I_τ были заменены расчетными величинами I'_τ .

Динамика уровней цен потребительских товаров

Поведение уровней цен продовольственных товаров в течение 1992–2000 гг. по экономическим районам России показано на рис. 1, а уровней цен промышленных товаров – на рис. 2 (эти уровни цен учитывают соответственно до 73 и до 144 наименований товаров [2, с. 439–448]).

Уже в первый месяц либерализации цен возникли значительные межрегиональные ценовые диспаритеты (так, к концу января разрыв между уровнями цен и продовольственных, и промышленных товаров по экономическим районам страны достиг 35 процентных пунктов), которые затем продолжали нарастать. На первое полугодие 1992 г. приходится, пожалуй, наиболее резкое расхождение территориальных уровней цен.

За кулисами этого процесса стоят резкие различия избыточного спроса в разных частях страны, накопленные к началу освобождения цен. Причем ситуация, сложившаяся со стороны спроса, была нередко диаметрально противоположной ситуации со стороны предложения: там, где текущие доходы и вынужденные сбережения населения были высокими, объем поставок потребительских товаров в торговлю (в расчете на душу населения) оказался, наоборот, ниже среднероссийского (например, в северных и восточных районах страны). В результате в каждом регионе подспудно сформировался свой латентный равновесный уровень цен, величина которого была обусловлена местным соотношением предложения и платежеспособного спроса. И как только уравнивание спроса и предложения перестало искусственно сдерживаться, эти равновесные уровни превратились из потенциальных в реальные. А поскольку они существенно различались по стране, территориально инфляционные процессы развивались крайне неравномерно. Вследствие этого там, где цены росли с наибольшей

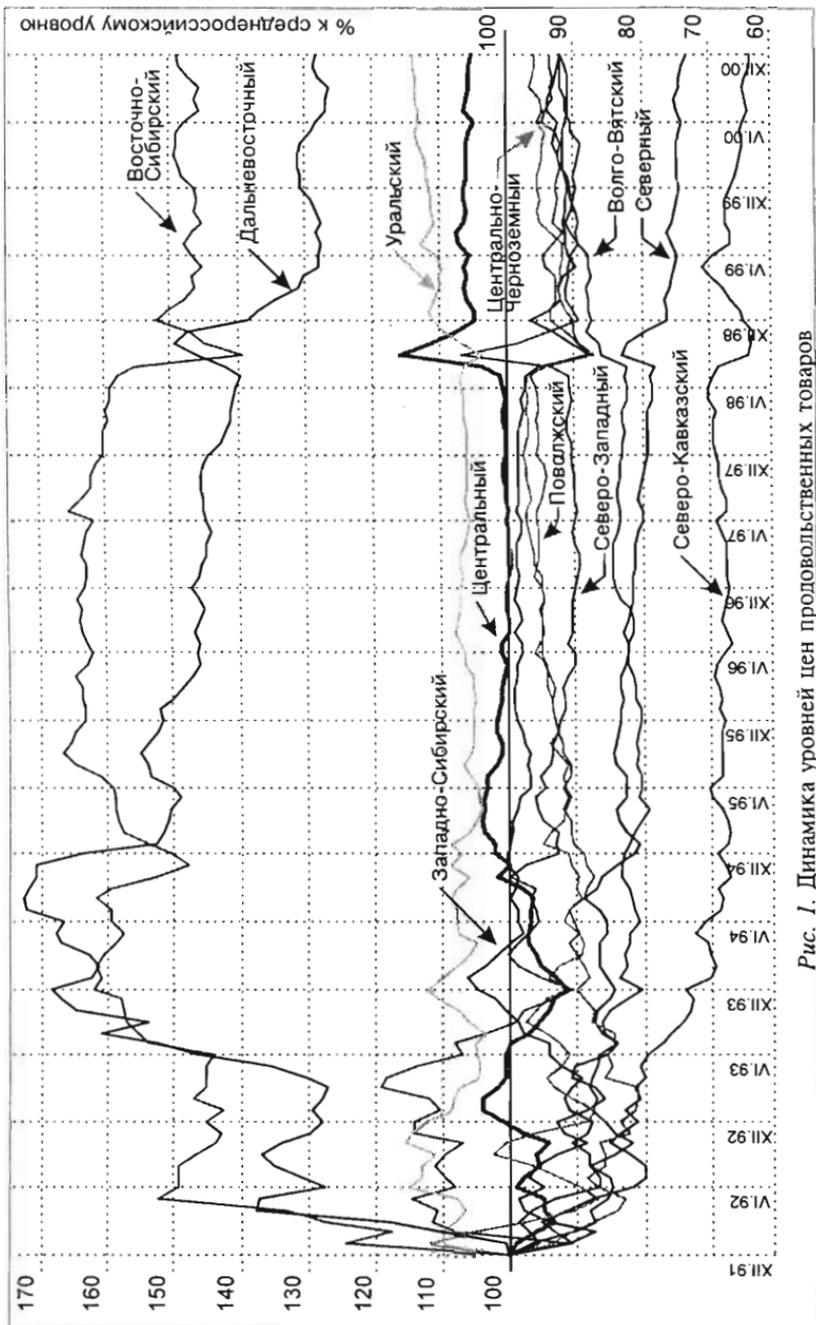

Рис. 1. Динамика уровней цен продовольственных товаров

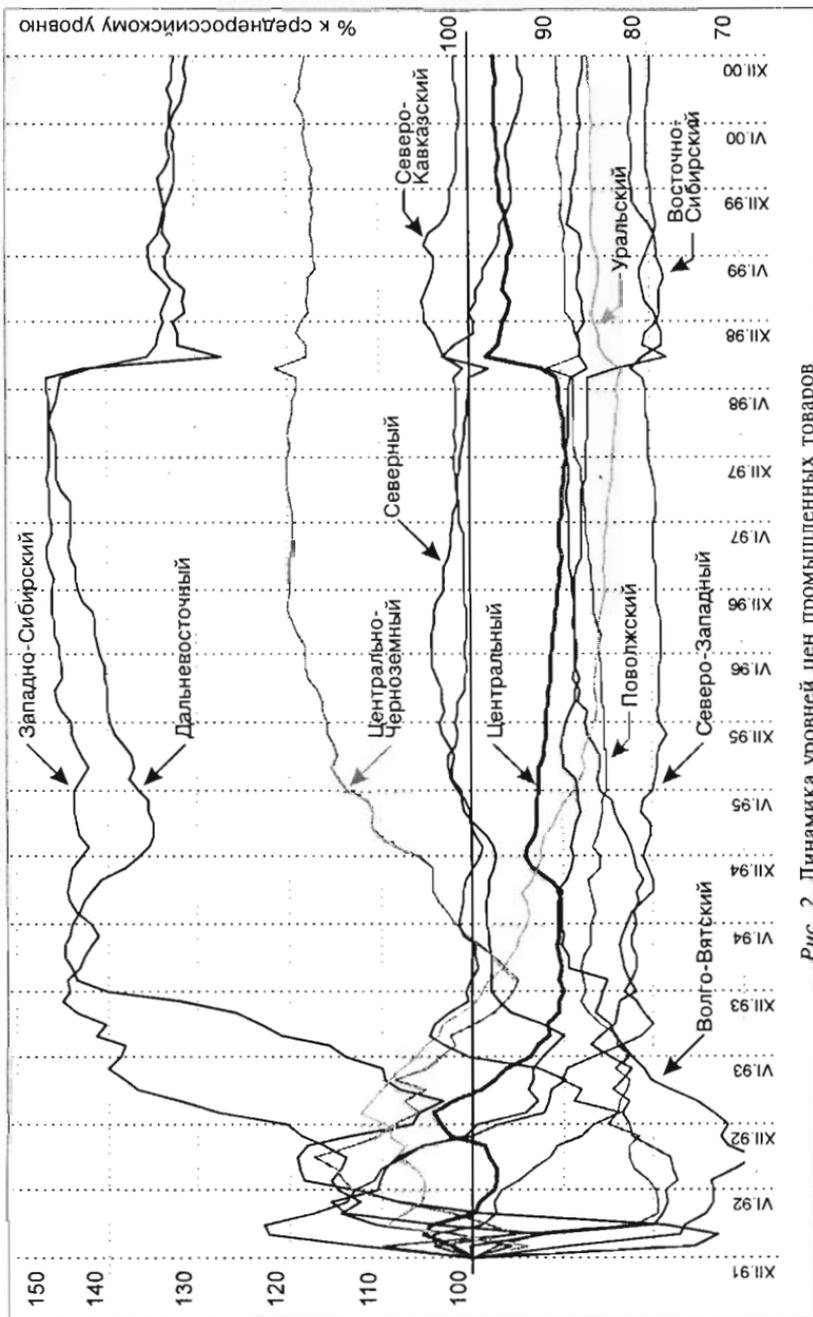

Рис. 2. Динамика уровней цен промышленных товаров

скоростью, их уровень поднялся выше среднероссийского, а там, где инфляция отставала, – опустился ниже него.

На рис. 1 и 2 видно, что движение уровней цен в течение 1992 г. довольно беспорядочно: они совершают быстрые скачки в обе стороны, при этом места отдельных территорий в гонке цен постоянно меняются. Такая же картина, хотя и не столь ярко выраженная, характерна и для следующего года. Как представляется, это обусловлено суперпозицией трех процессов.

Во-первых, межтерриториальные соотношения равновесных уровней цен не оставались постоянными во времени. Уже во втором квартале 1992 г., к концу которого цены товаров выросли в стране примерно в 10 раз, вынужденные сбережения населения перестали играть роль в формировании спроса, – они были или реализованы, или обесценены, и значение стали иметь только текущие доходы. А сами текущие доходы приблизительно со второго-третьего квартала 1992 г. стали резко меняться по регионам. Добиться у «центра» повышения заработной платы в первую очередь и в более значительных размерах удавалось в основном регионам со значительной долей добывающих отраслей. Регионы же с менее «пробивными» администрациями отставали в росте доходов – по времени и, возможно, по размерам. В результате динамика доходов населения в начальный период рыночных реформ оказалась в территориальном разрезе довольно хаотичной, что соответствующим образом повлияло на пространственное поведение уровней цен.

Во-вторых, значительные отличия потенциальных равновесных уровней цен от исходных фактических уровней приводили к тому, что в ряде регионов рост цен по инерции «проскакивал», нередко довольно далеко, за равновесный уровень. Обусловленное этим сокращение спроса замедляло темп инфляции в таких регионах, но в конечном счете могло оказаться, что чрезмерно, и тогда начинался новый цикл ускоренного повышения цен. В итоге возникало колебательное движение относительных уровней цен. Таким образом, в течение 1992–1993 гг. территориальные рынки нащупывали – методом проб и ошибок – равновесные уровни цен.

В-третьих, рост цен шел в стране крайне неравномерно. В результате в тех регионах, где инфляция запаздывала, уровни цен падали по сравнению с другими регионами, но затем инфляция в них ускорялась, что приводило на фоне ее замедления в других регионах к подъему уровней цен относительно них.

Нащупывание точек равновесия в условиях, когда сами эти точки быстро менялись, а также несинхронность территориальных инфляционных процессов и порождали наблюдаемую на отрезке 1992–1993 гг. беспорядочность поведения территориальных уровней цен. Сгладить движение цен могли бы межрегиональные перетоки товаров. Но именно для тех лет характерна значительная экономическая изолированность регионов друг от друга.

Существовавшая прежде система административного распределения потребительских товаров (называвшаяся оптовой торговлей, но в действительности таковой не являвшаяся) практически рухнула, а замены ей еще не было, – к тому времени возникли только зачатки оптовой торговли как подлинно рыночного института. Организации торговли (как оптовой, так и розничной) в основном оставались государственными, сохраняя мотивацию, методы работы и менталитет времен «планового хозяйства». Для применения такого способа извлечения дохода, как поиск и закупка товаров в регионах с более низкими ценами и продажа их в регионах, где цены выше (т. е. арбитраж), у организаций государственной оптовой торговли не было ни стимулов, ни возможностей, ни навыков, – это стало уделом частных фирм и индивидуальных посредников. Но тогда это были очень мелкие фирмы с ограниченными возможностями, вклад которых в межрегиональное движение товаров был невелик. Заинтересованность розничной торговли в получении товаров из регионов с низкими ценами была весьма слабой, если не отсутствовала вовсе, поскольку розничные наценки устанавливались в процентах к цене товара. понадобилось несколько лет, чтобы усвоить простую рыночную истину: главную выгоду дают не столько высокие цены, сколько наращивание объема продаж.

Имелись и объективные препятствия для развития межрегиональных связей. В первые годы рыночных реформ информация о ценах в разных местностях и у разных агентов рынка была крайне обрывочной, что делало целенаправленный поиск контрагентов почти неразрешимой задачей. Положение усугублялось галопирующей инфляцией, главным злом которой был даже не столько высокий темп, сколько непредсказуемость. Из-за этого межрегиональные сделки оказывались рискованным делом: к тому времени, когда товар поступал, цены могли измениться так, что сделка теряла смысл.

Все это приводило к хаотичности оптовой и мелкооптовой торговли: доля постоянных связей между поставщиками и покупателями была невелика, преобладали разовые, случайные сдел-

ки. При движении из региона в регион товар проходил через руки многих посредников, так что по пути терялся выигрыш от арбитража. Столь же беспорядочными были и связи розничной торговли с оптовой¹. Что же касается производителей, то не имея ни навыков маркетинга, ни средств для него, ни информации о состоянии рынка своего товара по стране, они в основном ограничивались сбытом продукции в собственном регионе и в близко соседствующих с ним.

К сказанному следует добавить несколько слов о поведении региональных властей. Под действием шока начала 1992 г. у многих региональных администраций возникло стремление к автаркии, предпринимались попытки смягчить последствия переживаемого страной кризиса «в отдельно взятом субъекте Федерации». На первые годы движения к рынку приходится разработка многочисленных программ и концепций обеспечения «продовольственной безопасности», т. е. самоснабжения, регионов. В эти же годы регионам было позволено «брать столько суверенитета, сколько смогут унести», что тоже далеко не способствовало развитию межрегиональных связей.

Однако по мере формирования рыночной инфраструктуры, приватизации торговли, становления рыночных институтов и развития «рыночного менталитета» ситуация неизбежно должна была измениться. Если связи между регионами сулят агентам рынка выгоду, они будут устанавливаться и расширяться даже при наличии объективных и субъективных препятствий, хотя последние, конечно, могут сказаться на интенсивности таких связей. И если рынок конкурентный (а рынки продовольственных товаров в целом и промышленных товаров в целом и являются таковыми), то это объективно должно приводить к сближению территориальных уровней цен.

Как видно из рис. 1 и 2, действительно можно выделить ограниченный «период расхождения цен». Его завершение приходится примерно на конец 1993 – начало 1994 г. Однако затем, вместо того чтобы сближаться, уровни цен в экономических районах в основном примерно стабилизируются вплоть до августовского кризиса 1998 г. Любопытно, что хотя в 1994 и 1995 гг. инфляция все еще оставалась галопирующей (цены товаров выросли в эти годы в стране соответственно в 3 и 2,2 раза), столь беспорядочного движения уровней цен, как в 1992–1993 гг., уже не

¹ Впрочем, такая характеристика справедлива даже сейчас, но теперь это только часть общей картины, причем далеко не преобладающая.

наблюдалось. Это также может служить косвенным доводом в пользу того, что к 1994 г. *основа* системы рыночных институтов на потребительском рынке России уже сформировалась – появилось достаточное число агентов рынка, способных преодолевать дезориентирующий эффект высокой инфляции. И их близкая реакция на нее в разных частях страны обусловила примерно синхронное изменение цен по экономическим районам, сохранявшее межтерриториальные соотношения уровней цен.

Упорядоченность поведения уровней цен после 1993 г. создает впечатление, что к этому времени рынок окончательно нащупал в каждом экономическом районе те уровни цен, которые в совокупности соответствуют межтерриториальному равновесию в масштабах всего национального рынка. Иначе говоря, что с 1994 г. установились равновесные различия между территориальными уровнями цен, отражающие трансакционные издержки арбитража² между каждым экономическим районом и остальной частью страны. Удивительна, однако, стабильность относительных уровней цен вместо какого-либо их сближения. Это говорит о том, что барьеры на пути межрегионального товарообмена не снижаются с самого 1994 г.

Таким образом, качественный анализ не дает очевидных свидетельств в пользу усиления интеграции российского потребительского рынка с начала 1994 г. по июль 1998 г. Но при этом он не позволяет сделать вывод, что такой процесс не имел места. Дело в том, что на количественные значения относительных уровней цен, рассчитанные цепным методом, положиться нельзя, ибо они крайне ненадежны. Этот вопрос будет специально рассмотрен далее, сейчас же отметим, что графики на рис. 1 и 2, а также на последующих рис. 3 и 4 отражают только качественные черты поведения территориальных уровней цен, но не действительные соотношения этих уровней. Так, фактические разрывы между уровнями цен гораздо меньше. Более того, порядок регионов по величине того или иного уровня цен на деле иной, нежели представленный на рис. 1–4. В частности, по уровню цен продовольственных товаров Дальневосточный район отнюдь не отстает от Восточно-Сибирского, как на рис. 1, а наоборот, значительно опережает его. Как следует из рис. 2, из основной массы экономических районов существенно более высоким уровнем цен про-

² Включая не только транспортные затраты, но и издержки, обусловленные давлением со стороны криминальных структур, административными барьерами, различиями в налогообложении и т. д.

мышленных товаров выделяются Западно-Сибирский и Центрально-Черноземный районы. В действительности это тоже далеко не так.

Подчеркнем еще раз, что графики на рис. 1–4 показывают только *качественную* картину динамики уровней цен, но не количественную сторону последней. Поэтому абсолютное положение траектории движения уровня цен в том или ином экономическом районе и ее положение относительно траекторий этого движения в других районах следует рассматривать как *сугубо условные*.

Следующий период, который можно выделить в динамике цен, характеризуется всплеском, вызванным финансовым кризисом 1998 г. Этот «период ценового шока» можно ограничить отрезком с августа по декабрь 1998 г. На данном отрезке наблюдается резкий скачок уровней цен вверх либо вниз в зависимости от экономического района. Такой колебательный цикл напоминает картину 1992–1993 гг. Он и порожден одним из тех процессов, которые стояли тогда за хаотическим движением цен, – несинхронностью роста цен по территории страны в условиях высокой инфляции. Отличие же от первых лет рыночных реформ заключается в том, что все пики локализованы в довольно узком промежутке времени. Рынок быстро справился с дезориентирующим эффектом ценового шока, и на потребительском рынке страны вновь установились равновесные территориальные уровни цен. В некоторых экономических районах они не изменили (или мало изменили) свое положение относительно среднероссийского уровня, но для ряда территорий эффект августовского кризиса оказался постоянным.

На первые месяцы 1999 г. уровень цен продовольственных товаров заметно снизился по сравнению с июлем 1998 г. во всех экономических районах восточной части страны и в Северном районе, а вырос в Центральном, Волго-Вятском и Уральском. Причина видится в том, что на продовольственных рынках разных территорий различалась доля импортных товаров: поскольку темпы повышения цен отечественных товаров за «период ценового шока» значительно отстали от роста курса доллара, уровень цен увеличился быстрее в тех регионах, где удельный вес зарубежной продукции на рынке был выше. Как раз в сибирских и дальневосточных регионах импортное продовольствие занимало заметно меньшую часть рынка, чем в среднем по стране. Гораздо выше среднероссийской доля зарубежных продовольственных товаров была в Москве. Поскольку же показатели Москвы значи-

тельно влияют на показатели всего Центрального района (ее вес при агрегировании – около 30%), это определило увеличение относительного уровня цен продовольственных товаров в данном районе по сравнению с докризисным значением. На рынке промышленных товаров остаточный эффект августовского кризиса оказался сходным: после завершения «периода ценового шока» уровень их цен упал в восточных районах страны и увеличился в Центральном.

В целом кризис 1998 г. привел к уменьшению амплитуды различий между уровнями цен товаров (продовольственных и промышленных) по стране. Произошло это за счет сокращения отрыва цен в регионах, где они были наиболее высокими, от среднероссийского уровня. Таким образом, кризис имел и позитивные побочные последствия. Однако отождествлять этот эффект с усилением интегрированности российского потребительского рынка неправомерно, так как он обусловлен структурными изменениями на рынке, а не ростом межрегионального товарообмена.

Наконец, остановимся на «послекризисном периоде». Его можно отсчитывать примерно с первых месяцев 1999 г., и длится он по настоящее время. Характерной чертой поведения цен товаров в этот период является, опять же, отсутствие явно выраженного сближения территориальных уровней цен, – их, как и в докризисный период, грубо можно считать стабильными. Правда, некоторое однонаправленное движение, в определенной степени имевшее место и в тот период, стало проявляться в большей мере. Однако поскольку количественные значения уровней цен недостоверны, неясно, приближаются ли они к среднероссийскому уровню или, наоборот, отдаляются от него.

Длительная тенденция к снижению уровней цен отличает Северный район (для продовольственных товаров она берет начало с последнего квартала 1995 г., для промышленных – с середины 1996 г.). Кризис 1998 г. сказался здесь просто как случайное возмущение: после «периода ценового шока» движение уровней цен вернулось на прежние траектории. Наиболее инерционной реакцией на ценовой шок оказалась в Северо-Кавказском районе, где она продолжилась и в «послекризисный период», захватив начало второго полугодия 1999 г. После этого уровень цен продовольственных товаров стал равномерно снижаться, а цен промышленных товаров – стабилизировался примерно на докризисном уровне. Кроме того, с начала «послекризисного периода»

происходит постоянный рост уровня цен продовольственных товаров в Уральском районе.

Итак, можно резюмировать, что качественная картина поведения уровней цен товаров на всем протяжении 1994–2000 гг. не свидетельствует о наличии тенденции к усилению интеграции российского потребительского рынка. Для того чтобы установить, имеет ли она место или нет, нужны более тонкие методы анализа на основе математической статистики (и с использованием дезагрегированных данных).

Общий уровень цен и цены услуг

Для полноты картины рассмотрим также динамику общего уровня потребительских цен, построенного из сводных индексов потребительских цен. Помимо цен продовольственных и промышленных товаров в него входят также цены платных услуг населению. Последние являются немобильными благами³, т. е. реализуются только в месте производства, и их цены определяются только локальными факторами. Поэтому анализ общего уровня цен, включающего цены таких благ, может дать очень приблизительное (если не превратное) представление об интеграции потребительского рынка.

Тем не менее такой анализ не лишен смысла. Во-первых, во многих исследованиях, посвященных вопросам интегрированности рынков, используется именно данный показатель. Это типично для работ по проблематике паритета покупательной способности (см., например, обзор К. Рогоффа [4]), поскольку «чистые» индексы цен товаров по разным странам нередко недоступны. Применяются сводные индексы цен и для пространственной характеристики процессов на российском рынке [5, 6]. Во-вторых, общий уровень цен характеризует стоимость жизни в том или ином регионе и потому интересен сам по себе. Его поведение показывает, как меняется покупательная способность рубля в разных частях страны, уменьшаются ли со временем различия в стоимости жизни на разных территориях или же, напротив, нарастают.

Рассмотрение логично начать с особенностей поведения уровней цен услуг, и лишь затем следует перейти к собственно уровню потребительских цен. Динамика территориальных уровней цен услуг (учитывающих до 71 наименования услуг [2,

³ В англоязычной литературе – *nontradable goods* или *nontradables*.

с. 448–451]) показана на рис. 3. Бросаются в глаза гигантские скачки на протяжении 1992–1994 гг., амплитуда которых значительно больше, чем в случае цен товаров (обратим внимание, что масштаб рис. 3 гораздо мельче, чем рис. 1 и 2). Определенно сказать, какие виды услуг внесли основной вклад в это в 1992–1993 гг., нельзя, так как неизвестны их агрегирующие веса. Можно высказать только более или менее правдоподобные соображения.

В рассчитываемые Госкомстатом индексы цена каждого блага входит с весом, равным доле затрат на это благо в общем объеме потребительских расходов. Веса определяются на основе бюджетных обследований и ежегодно обновляются. Из перечня учитываемых услуг, приведенного в «Методологических положениях по статистике» [2, с. 448–451], видно, что траты на большинство из них должны составлять малую часть годовых расходов населения на оплату услуг (это ремонт и пошив одежды, ремонт бытовой техники, услуги парикмахерских, здравоохранения, правовые услуги и т.п.), так как обращения к таким услугам разовые. Главную же роль в индексе цен будут играть постоянно потребляемые услуги, затраты на которые регулярны: услуги городского и пригородного транспорта, телефонной связи, жилищно-коммунальные.

Поскольку до 1992 г. стоимость таких услуг была очень мала, цены на них повышались единовременно сразу в десятки раз, за исключением квартирной платы, которая не менялась до 1994 г. (но все же в 1992 г. интенсивный рост цен услуг начался с запаздыванием относительно цен товаров и за год составил меньшую величину; все последующие годы, кроме 1998–1999 гг., у услуг темпы роста цен были значительно выше, чем у товаров). Потребление указанных услуг практически абсолютно неэластично: какой бы высокой ни была их стоимость, отказаться от их потребления нельзя (правда, можно не платить, но этого индексы цен не улавливают). Поэтому доля трат на них значительно выросла, и в следующем году они входили в индексы цен с гораздо большими весами, т. е. индексы цен стали более чувствительными к росту цен данных услуг.

Относительно дальнейшей динамики уровней цен услуг ясности больше. Согласно Закону о федеральной жилищной политике, с 1994 г. начался переход к полной оплате жилищно-коммунальных услуг населением (не закончившийся, слава богу, и по сию пору). А так как к тому времени, например, квартплата, низкая сама по себе, из-за обесценения рубля стала вообще

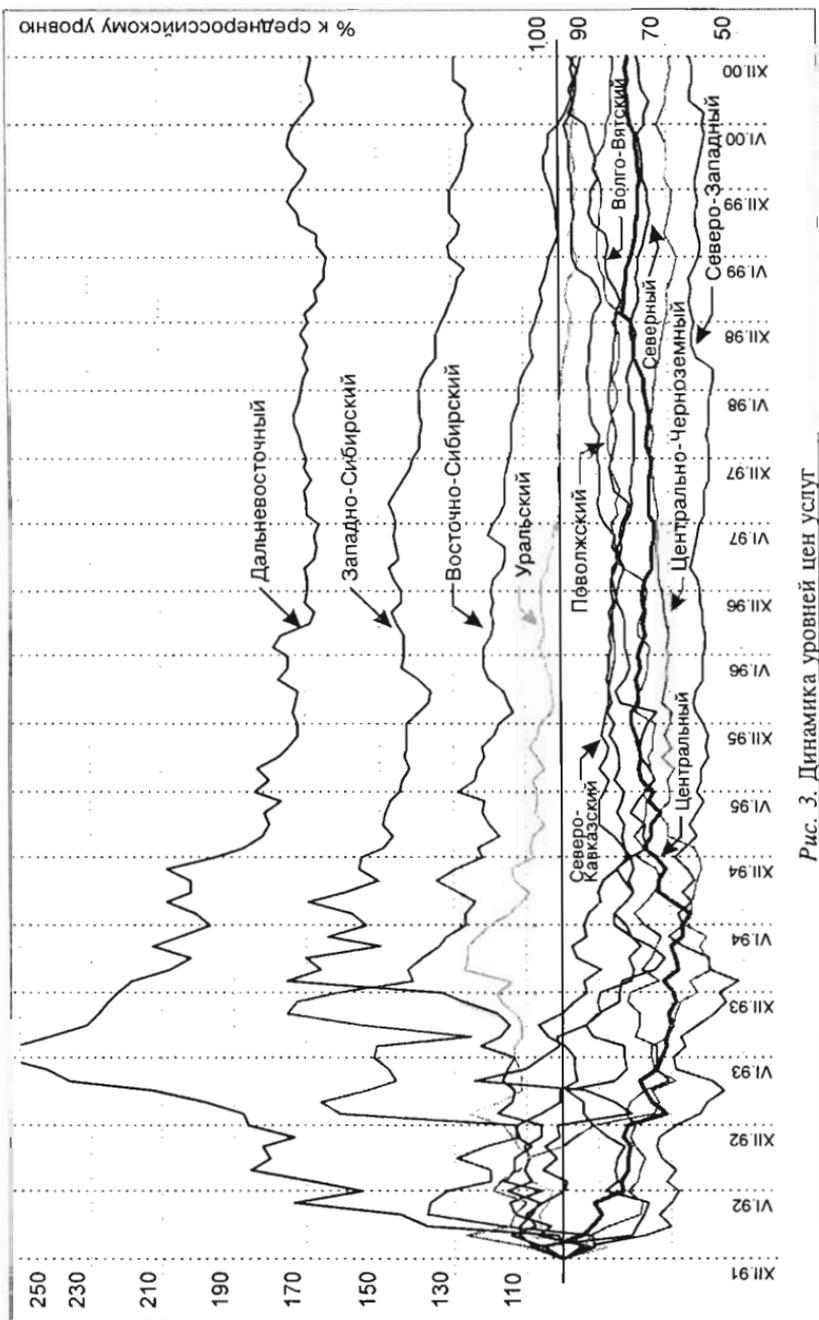

Рис. 3. Динамика уровней цен услуг

ничтожной, повышение тарифов исчислялось даже не разами, а десятками раз. И уже со следующего года данная группа услуг стала доминировать в уровне цен услуг: затраты на нее в 1995–1999 г. составляли примерно треть в общих расходах на оплату услуг – от 31,4% в 1995 г. до 36,2% в 1999 г.; еще одна треть – это затраты на услуги пассажирского транспорта и связи (рассчитано по данным статистического сборника «Цены в России» [7, с. 86]).

В целом можно сказать, что главный вклад в рост уровня цен услуг приходится на те из них, тарифы на которые устанавливаются или регулируются региональными властями. Изменение этих тарифов производится нерегулярно, через относительно большие промежутки времени и гигантскими скачками, причем в разных регионах в различные моменты времени и в неодинаковых размерах, отличающихся друг от друга в разы. Таким образом, за поведением уровней цен услуг рыночные силы практически не стоят. Тем не менее некоторая его регулярность просматривается. Так, примерно с 1996 г. уровни цен услуг во многих экономических районах огрубленно можно считать стабилизировавшимися. Там же, где они стали к 1996 г. гораздо выше средне-российских, в основном наблюдается тенденция к снижению. Причина, видимо, в том, что региональные администрации стали чаще оглядываться на тарифы других регионов, «подтягивая» свой к ним или сдерживая чрезмерное превышение.

Однако различия в тарифах на жилищно-коммунальные услуги между регионами все же остаются значительными – до нескольких раз. Что же касается более или менее плавных траекторий движения уровней цен услуг начиная с 1996 г. в сравнении с предшествующими годами, то это во многом является следствием агрегирования по экономическим районам, сглаживающего нерегулярности динамики уровней цен по регионам⁴. К тому же рост стал относительно меньше, исчисляясь чаще всего уже не разами, а десятками процентов (хотя и в настоящее время очень значительные скачки тарифов на жилищно-коммунальные услуги не редкость: так, в январе 2001 г. в Томской области цены услуг в результате этого увеличились за месяц на 35,5% при 2,6% по стране в целом [9, с. 353, 354]).

Поскольку услуги, цены на которые определяются рыночными механизмами, имея в совокупности небольшой (менее одной трети) вес, мало влияют на индекс цен услуг, неудивительно,

⁴ А они достаточно велики, что видно на примере Западно-Сибирского района [8].

что кризис 1998 г. никак не сказался на динамике уровней этих цен (скачок в Северо-Западном районе обязан случайному совпадению: именно в сентябре-октябре 1998 г. в Санкт-Петербурге и Ленинградской области было осуществлено намеченное ранее административное повышение тарифов). Напротив, чтобы не раздражать население, и так пострадавшее от кризиса, региональные власти в большинстве своем в августе-декабре 1998 г. и почти весь 1999 г. удерживались от повышения подконтрольных им тарифов, что и обусловило необычный для России феномен – отставание темпов роста цен услуг от роста цен товаров в эти два года.

Обратимся теперь к динамике общего уровня потребительских цен, показанной на рис. 4. Предшествующий анализ поведения всех трех его составляющих делает излишним подробное рассмотрение: общий уровень цен просто является результирующей их движения. В отличие от уровня цен товаров поведение общего уровня цен остается довольно беспорядочным до начала 1995 г. Это как раз обусловлено влиянием цен услуг. В среднем по России вес цен услуг в сводном индексе потребительских цен в течение 1992–2000 гг. составлял от 8 до 16% [10, с. 106; 7, с. 86]. И хотя он относительно невелик, значительные скачки цен услуг заметно сказались на поведении общих уровней цен. Доминирующую же роль в сводном индексе играют продовольственные товары, вес которых с 1993 г. составляет 50% и выше, тогда как вес промышленных товаров снизился с 40,6% в 1993 г. до 30,8% в 2000 г. [10, с. 106; 7, с. 85].

С начала-середины 1995 г. до кризиса 1998 г. общие уровни цен оставались приблизительно постоянными, т.е. разрывы в стоимости жизни между экономическими районами не сокращались (хотя и не росли). Ценовой шок 1998 г. уменьшил амплитуду этих разрывов по стране за счет относительного снижения стоимости жизни в восточной части России, но в «послекризисный период» они вновь примерно стабилизировались, хотя в ряде экономических районов имеется тенденция к довольно медленному снижению либо росту общего уровня цен.

Смещения в количественных оценках уровней цен

Как говорилось выше, полученные количественные значения уровней цен представляются довольно ненадежными. Так, вызывает сомнения, что в Восточной Сибири уровень цен продовольственных товаров в последние годы в 1,5–1,6 раза выше среднего

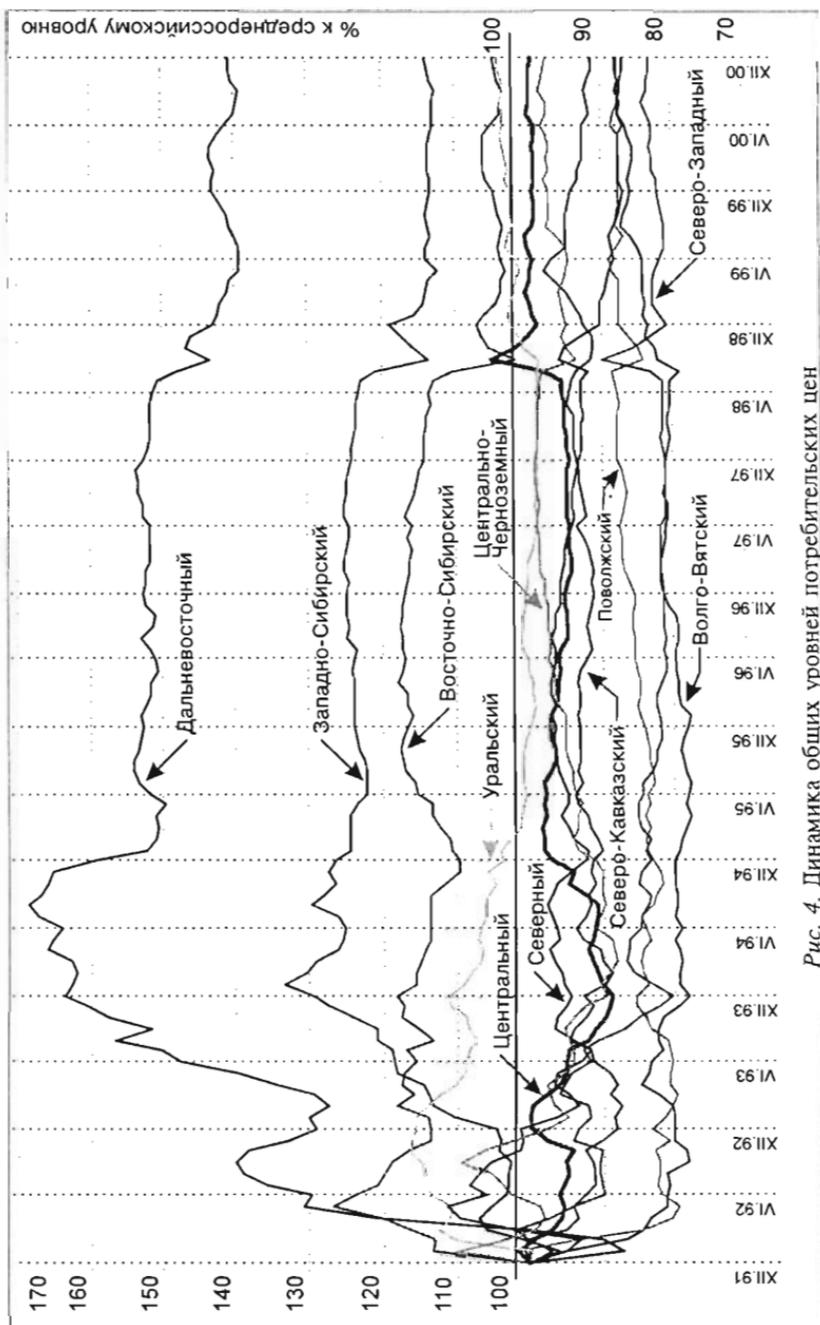

Рис. 4. Динамика общих уровней потребительских цен

по стране, а на Северном Кавказе – на четверть-треть ниже (см. рис. 1). Маловероятным кажется также, что уровень цен промышленных товаров в эти годы превышал среднероссийский в 1,3–1,5 раза в Западной Сибири и в 1,2 раза в Центрально-Черноземном районе, а в Северо-Западном районе и с конца 1998 г. в Восточной Сибири – в 1,2 раза отставал от среднего по стране (см. рис. 2).

Дело заключается в наличии смещений в величинах роста цен, которые обусловлены цепным методом расчета уровней цен по формулам (2) или (3) на основе индексов цен, определенных Госкомстатом. В работе В. А. Бессонова [11] тщательно проанализированы причины смещений, даваемых сцепленными индексами Госкомстата, и свойства этих индексов, а также оценены величины смещений, которые оказываются существенными. В целом применяемая Госкомстатом методика обеспечивает весьма невысокую точность оценки роста цен, а отсюда малая надежность уровней цен, рассчитанных на основе официальных индексов цен.

С точки зрения межтерриториальных сопоставлений основное значение имеют, в частности, следующие обстоятельства. Во-первых, величина сцепленного индекса цен зависит от траектории роста цен. Таким образом, если в исходный момент времени цены в двух регионах были одинаковы, потом стали различаться, а затем через некоторое время вновь сравнялись, но траектория движения к этому в регионах была разной, то разными же окажутся и индексы цен (например, в виде (3)), даже если в обоих регионах используется одна и та же система агрегирующих весов цен.

Однако в каждом регионе система весов своя, определяемая местной структурой потребления. Поэтому, во-вторых, в разных регионах даже месячные индексы цен неодинаково реагируют на рост цен из-за разной чувствительности к изменениям цен тех или иных товаров, обусловленной различием весов этих товаров. Иначе говоря, если в двух регионах цены и их рост за месяц совпадают, но каждый товар подорожал по-своему, то месячные индексы цен в этих регионах не совпадут. Как отмечено В. А. Бессоновым [11], среднероссийский сводный индекс потребительских цен завышает оценку роста цен за 1992–1996 гг. на 35%. Казалось бы, это не имеет значения для определения уровней цен, поскольку они рассчитываются по формуле (3) как отношение территориального и среднероссийского индексов, что должно элиминировать указанное смещение. Но из-за разной системы весов цен и разных траекторий движения цен смещения в числителе и знаменателе будут различными, а их отношение может ока-

заться даже больше, чем величина каждого из двух смещений самого по себе.

В-третьих, в первые годы рыночных реформ статистические измерения цен и их роста были невысокого качества. Отечественная статистика делала тогда только первые шаги в этой области, практически не имея опыта, причем в условиях взрывного роста цен и быстрого изменения номенклатуры потребительских товаров. А при цепном методе расчета имеет место эффект накопления ошибок: однажды допущенная ошибка измерения будет постоянно присутствовать в производстве индексов. К тому же, как показано В. А. Бессоновым [11], используемая Госкомстатом методика оценки изменения цен плохо работает как раз в условиях высокой инфляции. Как видно на рис. 1 и 2, величины относительных уровней цен товаров на промежутке 1994–2000 гг. в основном обусловлены теми значениями, которые они приняли в течение 1992–1993 гг. Но от индексов цен именно за эти годы не приходится ожидать сколько-нибудь хорошей точности.

В целом можно заключить, что уровни цен, рассчитанные цепным методом по динамическим индексам цен Госкомстата, скорее всего, завышают межтерриториальные различия. Прежде на этом приходилось ставить точку. Появившаяся относительно недавно и уже упоминавшаяся выше работа А. Е. Суринова [1], в которой приведены уровни цен в регионах России, рассчитанные прямым методом (т. е. по абсолютным ценам потребительских благ на данный момент времени – январь 1997 г. и январь 1998 г.), позволяет теперь пойти дальше – количественно оценить смещения в рассмотренных выше уровнях цен.

Полученные А. Е. Суриновым величины сопоставляются в табл. 1 с нашими. «Прямые» уровни цен (межрегиональные индексы цен) даны у этого автора относительно Москвы. Значения, представленные в таблице, пересчитаны относительно среднероссийского уровня и агрегированы по экономическим районам по формуле (1)⁵. Следует отметить, что «прямые» уровни цен были получены с применением единой для всех регионов (среднероссийской) системы весов цен. Это делает их не вполне сопоставимыми со «сцепленными», построенными из индексов цен с индивидуальной для каждого региона системой весов. Но главный источник расхождений, как следует из предшествующего, далеко не в этом.

⁵ Агрегирование по всей стране должно давать среднероссийскую величину – 100%. И действительно, отклонения от нее составили не более 0,5 процентных пункта, укладываясь в ошибку округления.

Таблица 1

Сопоставление уровней цен, рассчитанных ценным (Ц) и прямым (П) методами на январь 1997 г., % (среднероссийский уровень = 100%)

Экономический район	Продовольств. товары		Промышл. товары		Услуги		Общий уровень цен	
	Ц	П	Ц	П	Ц	П	Ц	П
Северный	81	111	103	98	86	121	96	108
Северо-Западный	90	94	80	100	62	109	81	99
Центральный	100	99	90	96	76	73	95	94
Волго-Вятский	84	93	89	92	85	117	82	97
Центрально-Черноземный	95	88	120	91	73	101	98	92
Поволжский	96	93	87	95	77	99	86	95
Северо-Кавказский	67	90	101	101	83	91	91	95
Уральский	107	98	85	100	105	122	100	103
Западно-Сибирский	98	106	146	105	146	102	125	105
Восточно-Сибирский	163	114	89	103	118	96	117	108
Дальневосточный	146	148	143	125	170	126	152	136

Как видно из табл. 1, различия между «прямыми» и «сцепленными» уровнями цен действительно велики. Для продовольственных товаров близкие (разнящиеся не более чем на 5 процентных пунктов) значения уровни цен имеют в четырех экономических районах: Северо-Западном, Центральном, Поволжском и, как ни удивительно, Дальневосточном. Это говорит о том, что разрыв уровня цен продовольственных товаров на Дальнем Востоке со средним по стране на самом деле составляет примерно 1,5 раза. Но то, что нижняя граница уровней цен (на Северном Кавказе) также в 1,5 раза отклоняется от среднероссийской величины, подтверждения не находит: «прямой» уровень цен в Северо-Кавказском районе – 90%, нижняя же граница (88%) зафиксирована в Центрально-Черноземном. Гораздо ниже «сцепленного» «прямой» уровень цен в Восточной Сибири: 114% против 163%, что представляется намного более правдоподобным. Таким образом, амплитуда различий оказывается меньшей, чем показанная на рис. 1: вместо почти 2,5 раза (от 67 до 163%) 1,7 раза (от 88 до 148%). Впрочем, это тоже довольно много.

Иной, нежели на рис. 1, получается и картина распределения различий. Экономические районы четко распадаются на три группы: с уровнем цен продовольственных товаров, отстающим от среднероссийского в диапазоне от 1 до 12% (в эту группу входит большинство районов), с уровнем цен на 6–14% выше среднего (Северный район, Западная и Восточная Сибирь) и стоящий особняком Дальний Восток, где продовольствие на 48% дороже, чем по стране в целом.

В случае промышленных товаров «прямые» и «сцепленные» уровни цен близки в трех районах: Северном, Волго-Вятском и Северо-Кавказском. Действительная амплитуда межтерриториальных различий также гораздо меньше демонстрируемой «сцепленными» уровнями цен: 1,4 раза (от 91 до 125%) в сравнении с 1,8 раза (от 80 до 143%). Причем в отличие от ситуации, зафиксированной на рис. 2, особняком стоит только Дальний Восток, во всех остальных экономических районах отклонения от среднероссийского уровня заключены в относительно узком диапазоне 15 процентных пунктов (91–105%).

Для услуг «сцепленный» уровень цен близок к фактическому («прямому») только в Центральном районе. Первый дает диапазон межтерриториальных различий в 62–170%, т. е. в 2,8 раза, второй же – в 73–126%, т. е. в 1,7 раза.

Несмотря на доминирующий вес продовольственных товаров в сводном индексе цен, оба метода дают сходные значения и в случае продовольствия, и в случае общего уровня цен только в одном районе – Центральном. Кроме него «сцепленный» общий уровень цен мало отличается от «прямого» в Северо-Кавказском и Уральском районах. Диапазон межтерриториальных различий согласно «сцепленному» уровню цен – 81–152% (1,9 раза), а согласно «прямому» – 92–136% (1,5 раза).

Можно было бы предположить, что расхождение между «сцепленным» и «прямым» индексами обязано смещениям, вызванным принятой в формуле (3) предпосылкой о равенстве уровней цен во всех экономических районах к моменту либерализации цен. Если это так, то отношение «прямого» уровня цен к «сцепленному» и даст исходный относительный уровень цен P_{s0}/P_0 , отражающий начальные межтерриториальные различия, обусловленные поясной дифференциацией цен и инфляцией 1991 г. Однако расчеты показывают, что связать столь большие расхождения с несовпадением исходных уровней цен нельзя. Иначе, например, получается, что к январю 1992 г. уровень цен продовольственных товаров на Северном Кавказе был на 35%

выше среднероссийского, тогда как в Восточной Сибири – на 30% ниже или что в Западной Сибири промышленные товары были дешевле, чем по стране в целом, на 18%, на Дальнем Востоке – на 13%, но зато в Северо-Восточном районе – дороже на 26%.

Сравнение «прямых» уровней цен товаров на январь 1997 г. и 1998 г. (последние не приводим) подтверждает картину, которую дают рис. 1 и 2 для этого промежутка времени: явной тенденции к сближению уровней цен не наблюдается.

Имея такую достаточно правдоподобную точку отсчета, как «прямые» уровни цен, можно попытаться экстраполировать поведение потребительских цен. В табл. 2 представлены уровни цен, полученные таким способом на декабрь 2000 г. Комбинированный метод расчета состоит в том, что в качестве уровня цен берется «прямой» для тех моментов времени, для которых он имеется, а последующие уровни рассчитываются на его основе цепным методом (по сути, используется формула (2), где роль исходных уровней цен P_{30}/P_0 играют «прямые» уровни).

Таблица 2

Уровни цен, рассчитанные комбинированным методом на декабрь 2000 г., % (среднероссийский уровень = 100%)

Экономический район	Продовольственные товары	Промышленные товары	Услуги	Общий уровень цен
Северный	98	92	112	98
Северо-Западный	96	97	111	101
Центральный	106	104	78	99
Волго-Вятский	101	92	129	104
Центрально-Черноземный	88	88	98	90
Поволжский	90	98	103	95
Северо-Кавказский	85	99	96	92
Уральский	105	103	117	107
Западно-Сибирский	98	95	85	94
Восточно-Сибирский	104	98	78	97
Дальневосточный	126	112	132	123

«Комбинированные» уровни цен на январь 1998 г. оказались мало (практически в пределах ошибки округления) отличающимися от «прямых» для того же момента времени. Это внушает надежду, что и величины на декабрь 2000 г. ненамного отклоняются от истинных. Но есть и некоторые опасения: как уже говорилось, индексы цен Госкомстата плохо работают при высокой

инфляции, поэтому ценовой шок 1998 г. мог вызвать заметные смещения оценок уровней цен на декабрь 2000 г.

Поведение «комбинированных» уровней цен товаров с января 1997 г. по декабрь 2000 г. дает качественно такую же картину, как и представленная на рис. 1 и 2 для этого отрезка: тенденция к сближению уровней цен между экономическими районами не проглядывается, после «периода ценового шока» амплитуда ценовых различий уменьшается, но затем уровни цен примерно стабилизируются.

* * *

Различия в уровнях цен товаров между разными территориями страны вплоть до настоящего времени остаются значительными, что говорит о слабой интегрированности российского потребительского рынка. При этом можно с полным основанием утверждать, что в 1997–2000 гг. тенденция к сближению территориальных уровней цен (т.е. к усилению интегрированности рынка), рассматриваемых на высоком уровне агрегирования (продовольственные товары в целом и промышленные товары в целом), отсутствовала или, в лучшем случае, была очень слабой. Из-за недостаточной надежности имеющихся данных картина для промежутка 1994–1996 гг., когда завершился «период расхождения цен», недостаточно ясна. Тем не менее она склоняет к предположению, что и на этом промежутке положение дел было аналогичным.

Литература

1. Суринов А. Е. Вопросы количественной оценки межрегиональных индексов цен// Экон. журн. Высш. шк. эк-ки. – 1999. – № 4.
2. Методологические положения по статистике: Вып. 1/ Госкомстат России. – М., 1996.
3. Глушенко К. П. Чей рубль весомей?// ЭКО. – 2000. – № 7.
4. Rogoff K. The purchasing power parity puzzle// Journ. of Econ. Lit. – 1996. – V. 34. – № 2 (June).
5. Райская Н., Сергиенко Я., Френкель А. Особенности инфляционных процессов на региональных потребительских рынках// Вопр. статистики. – 1997. – № 10.
6. Райская Н., Сергиенко Я., Френкель А. Региональные аспекты инфляционных процессов// Вопр. статистики. – 1998. – № 10.
7. Цены в России: Стат. сб./ Госкомстат России. – М., 2000.
8. Глушенко К. Динамика уровней потребительских цен в Западной Сибири// Вопр. статистики. – 2000. – № 2.
9. Социально-экономическое положение России. Январь 2001 года. – М.: Госкомстат России, 2001.
10. Цены в России: Стат. сб./ Госкомстат России. – М., 1998.
11. Бессонов В. А. О смещениях в оценках роста российских потребительских цен// Экон. журнал Высш. шк. эк-ки. – 1998. – № 2.

© Глушенко К. П., 2001